

М. Н. Сперанского, сливаются элементы западного рационализма, сближающие его с еретиками, и византийские аскетические идеалы.⁴¹

Традиционное представление об Иосифе Волоцком как об официальном идеологе Русского государства конца XV—начала XVI в. и о Ниле Сорском (так или иначе связанном с еретиками) как о его основном оппоненте сохранялось в литературоведении и историографии вплоть до революции. Следует отметить, однако, что фактический материал, привлеченный исследователями еще в конце XIX—начале XX в., давно позволял поставить под сомнение верность этой концепции. Так, уже в 1869 г. А. Никитский в своем исследовании по истории церкви в Новгороде показал, что, вопреки мнению И. Панова и других авторов, новгородские еретики вовсе не были противниками великокняжеской власти, напротив, многие из них были прямо связаны с Иваном III.⁴² В 1889 г. М. Дьяконов в работе «Власть московских государей» обратил внимание на то, что Иосиф Волоцкий вовсе не был таким безусловным сторонником неограниченной власти государя, каким его обычно считают; именно Иосифу принадлежал, по выражению М. Дьяконова, «революционный тезис», позволяющей не признавать установленную власть, если она отступает от норм религиозного благочестия.⁴³ Но наблюдение это не было развито Дьяконовым: в его глазах Иосиф Волоцкий оставался прежде всего идеологом «теократического абсолютизма» и одним из создателей «теории власти московских государей», полностью воспринятой затем Иваном Грозным.⁴⁴ К числу решительных сторонников «подчинения церкви государственной власти» относил Иосифа и В. Вальденберг, автор специального исследования, посвященного древнерусским учениям о пределах царской власти.⁴⁵ В. Вальденберг не мог, однако, отрешиться от некоторых сомнений по этому вопросу. Он отмечал, например, противоречие между традиционным взглядом на иосифлян как на «потаковников» великокняжеской власти и тем обстоятельством, что именно «иосифляне первые в русской литературе выставили учение о правомерном сопротивлении государственной власти». «Можно ли, — указывал В. Вальденберг, — и каким образом примирить установившийся взгляд на иосифлян как на практических деятелей с идеями, находящимися в их сочинениях, или же надо признать, что между их действиями и их идеями есть несогласимые противоречия, — на этот вопрос ответят историки».⁴⁶ Аналогичные сомнения вызывали у В. Вальденберга и сочинения Нила Сорского. Если сторонники Нила, как полагал В. Вальденберг, «исходили из принципа свободы», то принцип этот должен был бы привести их «к замечательным по своей новизне заключениям о пределах царской власти», но автор признавал, что «таких заключений у Нила нет, а делать их нам самим было бы рискованно».⁴⁷

⁴¹ Там же, стр. 431—432.

⁴² А. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, стр. 167—170.

⁴³ М. Дьяконов. 1) Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 94—95 и 129; стр.: 2) Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908, стр. 416.

⁴⁴ М. Дьяконов. 1) Власть московских государей, стр. 103; 2) Очерки..., стр. 407.

⁴⁵ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 197—229.

⁴⁶ Там же, стр. 229.

⁴⁷ Там же, стр. 229—231.